

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра зарубежной филологии и прикладных коммуникаций

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему Концепт «страх» в романе Карсака «Пришельцы ниоткуда»

Исполнитель _____ Учелли Валентино _____

(фамилия, имя, отчество)

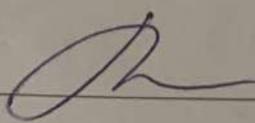
Руководитель _____ к.пед.н, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Мирошниченко Светлана Алексеевна _____

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

И.о. заведующего кафедрой _____

_____ к.ф.н., доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Крючкова Юлия Викторовна _____

«26» 06. 2024.

Санкт-Петербург

2024

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Концепт как единица исследования лингвистики. Концепт «страх» во французской лингвокультуре.	6
1.1. Определение концепта и его исследования в лингвистике.	6
1.2. Структура концепта и его типология.	9
1.3. Соотношение фрейма и концепта в когнитивной лингвистике.	14
1.4. Концепт «страх» во французской лингвокультуре.	16
Выводы по главе 1.	26
Глава 2. Анализ концепта «страх» в романе Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда» ..	28
2.1. Репрезентация концепта «страх» в романе «Пришельцы ниоткуда» с помощью слов, словосочетаний и фразеологических единиц.	28
2.2. Категоризация лексических единиц с концептом «страх» по эмотивным фреймам.....	43
Выводы по главе 2	47
Заключение	49
Список литературы.....	53
Приложение 1	56
Приложение 2	57

Введение

В свете высокой заинтересованности современных учёных лингвистов в изучении понятия «концепт», исследование национально-культурной специфики лексических единиц, репрезентативно выражающих концепты различных языков, становится всё более актуальным. Одними из наиболее заметных элементов, определяющих национальное самосознание и менталитет народов, являются концепты, отражающие страх.

В данной работе рассматриваются лексические единицы, являющиеся содержательной частью концепта страх, а также их семантика, этимология и место в концептосфере романа Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда». В работе анализируются лексические единицы на французском языке, их роль в формировании образа мира и характера персонажей, а также связь с национальными особенностями культуры и менталитета французов. Особое внимание уделяется концепту «страх», анализируются его лексические и семантические особенности, а также структура и функции в тексте.

Изучаемая тема является **актуальной**, так как понимание концепта «страх» во французской лингвокультуре несёт в себе особую важность для учёных лингвистов, что следует из растущего числа научных работ, посвящённых изучению концептов различных эмоций и семантики отражающих его лексических единиц.

Новизна работы заключается в том, что анализа лексических единиц, входящих в концепт «страх» в данном произведении, не проводилось.

Объектом исследования становится роман на французском языке Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда» (254 страницы) фр. яз. - «Ceux de nulle part»).

Предметом исследования данной научной работы являются лексические единицы на французском языке, являющиеся содержательной частью концепта «страх».

Целью работы является контекстуальный и семантический анализ лексических единиц в романе Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда», входящих в концепт «страх», а также их роли в передаче национально-культурной специфики выражения эмоции страха в французском языке.

Для достижения цели исследования ставятся следующие **задачи**:

1. Раскрыть сущность понятия концепт в лингвистике,
2. Изучить структуру и типологию концепта,
3. Рассмотреть понятие фрейма в когнитивной лингвистике и определить его сходства и различия с концептом
4. Проанализировать отражение национально-культурной специфики концепта «страх» в французском языке
5. Выявить в романе «Пришельцы ниоткуда» лексические единицы, отражающие в произведении концепт «страх».

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды таких авторов, как М. К. Головановская «Основы европейского мировоззрения по данным языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских» и «Чего и как боятся французы и русские». Также автор выпускной квалификационной работы опирался на работу Е. Н. Белой «Некоторые черты концепта страха во французском и русском языках». В основу теоретических рассуждений об исследованиях концепта в лингвистике легли статья С. А. Аскольдова «Концепт и слово», а также работа Д. С. Лихачёва «Концептосфера русского языка». Рассматривая исследования фрейма в когнитивной лингвистике, автором были использованы статьи Е. Г. Беляевой «Фрейм, концепт, концептуальная метафора - синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики)» и О. А. Жариной «Концепт» vs «фрейм»: проблема дефиниции и соотношения понятий в современной когнитивной лингвистике». Также в научной работе были использованы и другие многочисленные научные статьи, диссертации и книги.

В выполненном автором научном исследовании были применены следующие методы:

1. Описательно-аналитический
2. метод сплошной выборки материала анализируемого романа
3. Статистический метод
4. Метод семантического анализа
5. Метод контекстуального анализа

Структура исследования: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и 2 приложений.

Глава I . Концепт как единица исследования лингвистики. Концепт «страх» во французской лингвокультуре

1.1. Определение концепта и его исследования в лингвистике

В данной главе будут рассмотрены различные подходы к определению понятия «концепт», предлагаемые различными лингвистами, и перечислены ключевые работы, посвящённые исследованиям в области концепта и концептосферы. Также будут рассмотрены основные классификации, функции и свойства концепта, а также, с опорой на его исследования в лингвистике, обозначена сложная структура концепта. Помимо этого, будут изучены особенности реализации концепта «страх» во французской лингвокультуре и проанализирована семантика выражающих его лексических единицы.

Этимологический словарь французского языка «Dictionnaire de l'Académie Française» даёт следующее определение термину Concept (пер. Концепт): Au sens de «dessein, projet» Emprunté du latin «conceptus» [Dictionnaire de l'Académie Française] (пер. «Замысел, проект». Заимствовано из латинского «conceptus»). В данном определении можно увидеть неожиданное указание на мыслящее лицо, деятеля, обладателя некой идеи и точки зрения. В переходе от абстрактного существительного «concept» (пер. «концепт») к словообразовательному гнезду открывается проективный, порождающий потенциал этого слова. Эту мысль подтверждает также сложное существительное concepteur-projeteur, в котором объединяются семы “проектирования” и “порождения”. Глагол же concevoir впервые появляется во французском языке в середине 12-го века в переводах библейской Книги Иова. В значении “формирования идеи” (formation d'une idée) этот глагол закрепляется во французском языке между 1190 и 1315 годами.

Первое упоминание термина «концепт» в отечественном языкознании принято соотносить с С. А. Аскольдовым и его статьёй «Слово и концепт». В ней он определяет концепт, как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов, действий,

мыслительных функций одного и того же рода». Концепт ученый понимает, как «чисто умственное образование и часть объективной действительности, подчёркивающая его общность, либо же его индивидуальность [Аскольдов 1928, с. 268–269]. Его влияние на исследования концепта в языке выражается ещё и в том, что он впервые ввел термин «художественный концепт» и заявил о необходимости исследования литературных текстов через призму концептов.

В качестве основного признака концепта С. Аскольдов выдвигает «функцию заместительства». Цитируя Аскольдова, «Концепт тысячеугольника есть заместитель бесконечного разнообразия индивидуальных тысячеугольников, конкретность которых осуществима лишь в целом ряде актов мысленного счета, длительного синтезирования данной фигуры из ее элементов. В данном случае концепт выступает как заместитель этих длительных операций» [Аскольдов 1928, с. 85].

В течение двадцатого века в советской науке изучение термина «концепт» существенно не выходило за пределы когнитивистики вплоть до 1990-х годов, когда произошло возрождение интереса к его изучению в области лингвистики и литературоведения. Невозможно не отметить вклад в его исследования учёных Ю. С. Степанова и Д. С. Лихачёва.

По мнению Ю. С. Степанова, «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек - рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Мартиросян 2014, с. 2]. В работе «Словарь русской культуры. Опыт исследования.» он рассуждает о разнице между терминами «концепт» и «понятие», выделяя главным отличием концепта то, что он не только мыслится, но и проживается. Концепт у Аскольдова является основной ячейкой культуры в ментальном мире человека.

В работе «Концепт в системе гуманитарного знания», посвященной исследованию понятия «Концепт» в гуманитарных науках, доктор

филологических наук В. Г. Зусман, опираясь на исследования Аскольдова и Степанова, продолжает их идеи о сопоставлении имён, вещей и идей: «Термин «концепт» возвращает нас к полемике, развернувшейся в XIV столетии между номиналистами и реалистами. Столкновение крайних точек зрения привело к возникновению «умеренного номинализма», вошедшего в историю философии под названием концептуализм» [Зусман 2003, с.14].

Лихачёв же в своей статье «Концептосфера русского языка» вторит Степанову и пишет, что контекст невозможно рассматривать вне индивидуальной «идеосферы» человека, его культурного опыта и круга ассоциаций. Подобные индивидуальные интерпретации тех или иных концептов под влиянием национального, сословного, профессионального и прочих опытов являют собой множество потенциалов, открываемых в сознании отдельного человека. Их, в совокупности, Лихачёв называет концептосферами.

Соответственно, богатство культуры нации — её история, культура и искусство — рождает богатство концептосферы. В этом ключе, особое место в создании концептов учёный уделяет писателям и поэтам, напрямую влияющим на обогащение языка. В качестве примера он приводит роман «Обломов» И. А. Гончарова: «Когда мы говорим «Обломов», мы можем, грубо говоря, заметить три значения этого слова: либо название известного произведения, либо героя этого произведения, либо определенный тип человека...В зависимости от того, читали ли мы Гончарова, насколько глубоко и по-своему поняли его и сблизили со своим культурным опытом, все три концепта будут в пределах контекста различаться по смыслу и потенциалам» [Лихачёв 1993, с. 156].

В литературоведении, помимо отражения национального опыта с помощью концептов авторы отражают свою индивидуальную картину мира. Зачастую концепт и концептосферу соотносят с личным восприятием автора текста своей жизни и своего литературного опыта. Так, они могут быть явными или скрытыми, прямо сообщаемым читателю или подразумеваемым через различные образы и символы. Часто он бывает связан с тематикой

произведения и помогает автору создать цельный образ произведения, обеспечить его единство и глубину.

Для выражения концептов в процессе общения говорящими используются различные языковые знаки — слова, словосочетания, предложениям и фразеологизмы. При этом имя концепта не является единственным способом его активизации в сознании человека. В своей монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» российский лингвист и доктор филологических наук В. И. Карасик в качестве примера подобной активации приводит концепт «деньги». Для обозначения этого концепта носитель русского языка может не только использовать лексему «деньги», но и «финансы», «гроши», «бабки» и т.п. Учёный полагает, что «чем многообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним является этот концепт и тем выше его ценностная значимость в рамках данного языкового коллектива» [Карасик 2003, с. 38].

Таким образом, исходя из исследований в области концепта в лингвистике и литературоведении, можно сделать вывод о том, что благодаря концепту, как единице анализа, в литературном тексте появляется возможность объединения образов и символов с общенациональной ассоциативно-вербальной сетью. Основной смысл произведения и слов в этом случае приобретает подвижный, открытый и противоречивый характер, вобрав в себя все эти значения в целостный образ.

1.2. Структура концепта и его типология

Концепт, называемый Лихачёвым «алгебраическим выражением сознания», несомненно, обладает своей структурой, однако, ввиду его динамической роли в процессе мышления, эта структура представляет собой крайне сложную систему. В важной для понимания структуры концептов работе «Словарь русской культуры» Степанов так рассуждает над её рассмотрением: «С одной стороны, к ней [структуре концепта] относится всё,

что принадлежит к строению понятия, а с другой – в нее входит то, что делает его фактом культуры: исходная форма; сжатая до основных признаков содержания история» [Степанов 2001, с. 69]. Таким образом, концепт можно полноценно называть смысловым содержанием слова. Исходя из этого, следует, что концепт включает в себя всю коммуникативно-значимую информацию.

Множество учёных лингвистов в работе над выявлением и обозначением структуры концепта и его специфической слоистости прибегают к различным художественным метафорам. Так, например, Н. Н. Болдырев представляет структуру концепта в виде снежного кома, Г. В. Токарев использует образ концепта-облака, проливающегося дождём из слов, а В. В. Колесов называет концепты «зёрнышком первосмысла, из которого произрастают новые смыслы. При разборе концепта на компоненты, или же на так называемые концептуальные признаки, можно определить, что он имеет многоступенчатое строение, в котором каждая ступень соотносится с продуктом культурной жизни общества в ту или иную эпоху. Погружаясь в семантику этих ступеней, Ю. С. Степанов выделяет следующие признаки концепта: Основной (актуальный) признак, дополнительный (пассивный) признак, которых может быть несколько одновременно, и внутреннюю (обычно не осознаваемую) форму. Таким образом, структура концепта является трёхслойной.

В работе «Счастье как лингвокультурный концепт» доктор филологических наук С. Г. Воркачёв выделяет в концепте три его составляющих: образную, значимостную и телесно-знаковую. К понятийной составляющей относятся дефиниционная и признаковая структура, в то время как к значимостной — ассоциативные и этимологические характеристики концепта, характеризующие его положение в лексико-грамматической системе языка. Благодаря телесно-знаковой же, культурный концепт приобретает статус объекта лингвистического анализа. Присутствие этой составляющей семантики концепта отделяет его лингвокультурологическое понимание от логического, математического и семиотического.

В процессе поиска и выявления наиболее полного и обширного описания структуры концепта, невозможно не упомянуть титанически важную для исследований в этой области работу В. А. Масловой «Введение в когнитивную лингвистику». В ней сложную структуру концепта предлагается рассматривать в виде круга, с основным понятием, так называемым ядром концепта, в середине, а всем, привносимым культурой, традициями, народным и личным опытом – находящимся на периферии. Согласно Масловой, «ядро — это словарные значения той или иной лексемы. Именно материалы толковых словарей предлагают исследователю большие возможности в плане раскрытия содержания концепта, в выявлении специфики его языкового выражения. Периферия же – субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации» [Маслова 2004, С. 58]. В другой своей работе «Концепт как способ изучения культуры через язык» Маслова иллюстрирует этот взгляд на структуру концепта на примере концепта «добро». Так называемым ядром этого концепта она обозначает различные проявления этого чувства (выраженные качествами, с которыми оно связано), а также всё, на что оно может быть направлено, в то время как в околоядерной зоне этого концепта находятся субъекты, являющиеся ретрансляторами доброты (друг, родственник, знакомый и т. д.), и степень проявления этого чувства.

Идеи В. А. Масловой продолжают и развивают в монографии «Очерки по когнитивной лингвистике» учёные З. Д. Попова и И. А. Стернин. В ней они так пишут о структуре концепта: «Лингвист может установить общенародное ядро концепта, а все текущие и перемещающиеся слои концепта можно лишь в той или иной степенно обнаруживать, указывать на них, но четкая организация для них не характерна, поэтому и моделировать концепт как структуру (подобно фонологической, лексико-семантической, грамматической структуре) в принципе невозможно. Можно, видимо, перечислить признаки и концептуальные слои, представить их положение в поле концепта, но не более того, поскольку концепт все время функционирует, актуализируется в разных

своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отгалкивается от них» [Попова, Стернин 2001, с. 61]

Исходя из этого, можно судить о многомерности лингвокультурного концепта, что напрямую влияет на различия в определении его структуры. Важно отметить, что внутрь концепта входит не только его смысловое содержание, но также и отношение говорящего человека к отражаемому объекту. Основой создания концепта может быть только то явление действительности, которое становится предметом оценки, так как подобная оценка требует от человека так называемого «эмоционального пропускания» темы через себя. Момент подобного «пропускания» и является точкой отсчёта жизни концепта в сознании носителя культуры. Помимо оценки, в состав концепта входят и другие компоненты, в том числе: универсальный (он же общечеловеческий), национально-культурный (затрагивающий жизнь человека в конкретную эпоху и в конкретной социальной среде), социальный (касающийся социального положения этого человека), индивидуально-личностный и групповой.

Российский учёный лингвист и доктор филологических наук Г. Г. Слышкин в диссертации «Лингвокультурные концепты и метаконцепты», рассуждая о структуре концепта, пишет: «Конструкция лингвокультурного концепта может осуществляться как построение его ассоциативной модели. В рамках данной модели функционирование концепта рассматривается как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами» [Слышкин 2004, с. 9–10]. Исходя из этого, Слышкин выделяет в структуре концепта следующие четыре зоны: интразону - совокупность входящих смысловых ассоциаций, экстразону - совокупность исходящих смысловых ассоциаций, квазизону - совокупность входящих формальных ассоциаций, а также квазиэкстразону - совокупность исходящих формальных ассоциаций. Первые две входят в состав так называемых основных зон, а вторые — дополнительных.

В связи со сложной структурой концептов в лингвокультурной коммуникации, их типология стала плодотворной темой исследования для лингвистов. В результате этого множество концептов было разделено на различные типы и категории. Ю. С. Степанов выделяет два типа концептов: научные и художественные. Научные концепты, по нему, «формируются как синонимичные пары или утверждения, не являются изолированными» В то же время «художественные концепты являются ненаучными концептуальными единицами.» [Степанов 2007, с.20].

Опираясь на работу С. Г. Воркачёва «Лингвокультурный концепт: типология и области бытования», можно обозначить ещё одну систему типологии концептов. Учёный лингвист выделяет три вида деления концептов: по линии предметной области, по степени абстрактности содержания и по сфере функционирования. Так, по линии предметной области, концепты делятся на эмоциональные, онтологические, гносеологические, семиотические и иллокутивные. По степени абстрактности содержания, на абстрактные (ментефакты) и конкретные/предметные концепты (натурфакты и артефакты). По сфере функционирования, на социокультурные (подразделяющиеся на (возрастные, гендерные, профессиональные т. д.), этнокультурные и индивидуальные. Об индивидуальных концептах Воркачёв пишет: «Они [индивидуальные концепты] могут быть представлены индивидуально-авторскими, выражаемыми ключевыми словами; концептами, определяющими психотип личности, а иногда и определенных социальных групп (в таком случае они становятся социокультурными или этнокультурными концептами)» [Воркачёв 2007, с.122].

А. П. Бабушкин в свою очередь в своей диссертации «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка» делит все концепты на следующие типы: мыслительные картинки, гиперонимы, фреймы, схемы, инсайты, сценарии, калейдоскопические концепты.

Мыслительные картинки представляют собой совокупность образов в коллективном/национальном или индивидуальном сознании людей. Концепт-схема формирует перцептивную и когнитивную картину мира, определенным образом членимую лексическими средствами. Концепты-гиперонимы — это определения, лишенные коннотаций. Концепт-фрейм представляет собой схему сцен, совокупность хранимых в памяти ассоциатов. Концепт-сценарий (скрипт) описывает схему событий, представление информации о стереотипных эпизодах, последовательность и связь мыслимых событий, обозначенных словом, их динамика. Инсайт предполагает внезапное понимание, схватывание тех или иных отношений и структуры ситуаций в целом, «упакованное» в слове информацию о конструкции, внутреннем устройстве или функциональной предназначенности предмета. Калейдоскопический концепт является результатом метафоризации, они не имеют постоянных фиксированных ассоциатов, поскольку разворачиваются то в виде мыслительных картинок, то в виде фрейма, схемы или сценария.

1.3. Соотношение фрейма и концепта в когнитивной лингвистике

Важнейшим понятием для исследования концепта «страх» во французской лингвокультуре является фрейм. Изначально предложенный американским лингвистом Чарльзом Филмором в конце 1970-х годов, этот термин был развит в работе Марвина Ли Минского «Фреймы для представления знаний». В ней он так рассуждает о становлении концепта: «человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчётом, чтобы путём изменения в ней отдельных частей сделать её пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979, С.7]. Краткий словарь когнитивных терминов даёт следующее определение фрейму: «Набор предположений об устройстве формального языка для выражения знаний, в

качестве альтернативы для семантических сетей или для исчисления предикатов; набором сущностей, по предположению исследователя существующих в описываемом мире (метафизическая интерпретация понятия); организацией представлений, хранимых в памяти (человека и/или компьютера) плюс организация процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем (эвристическая, или имплементационная интерпретация)» [Демьянков 1996. С.187]. Обобщая подробное описание фрейма из словаря, можно считать его структурой данных, которая представляет собой сеть связанных атрибутов и значений, описывающих определенную концепцию или ситуацию. Фреймы используются для описания знаний о мире и облегчения понимания контекста, в котором используется язык. Они помогают интерпретировать языковые выражения с учетом их семантической и прагматической информации, а также построить модели для анализа текстов и диалогов.

В статье «Фрейм, концепт, концептуальная метафора - синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики)» Е. Г. Беляевская следующим образом обозначает ключевое различие между концептом и фреймом: «Концепт конструируется «от языка», а фрейм конструируется «от конкретной действительности». Вследствие этого становится понятным, что внутренняя структура концепта может не совпадать с внутренней структурой соответствующего фрейма» [Беляевская 2015, с. 15]. Исходя из этого, представляется возможным установить, что понятия концепта и фрейма в когнитивной лингвистике находятся в тесной семантической связи друг с другом. Вновь обращаясь к определению структуры концепта, можно сделать вывод о том, что она подлежит установлению только в ходе семантического анализа репрезентантов концепта. Фрейм же выявляется благодаря лингвистическому анализу текста на повторяющиеся структурные семантические паттерны, внутри которых содержится знание и ассоциации на определенную тему, а также при когнитивных исследованиях, связанных с выявлением у опрошенных схожих ассоциаций.

В статье «Концепт» vs «фрейм»: проблема дефиниции и соотношения понятий в современной когнитивной лингвистике», посвящённой выявлению различий между концептом и фреймом в ключе когнитивной лингвистики, кандидат филологических наук Жарина Ольга Александровна пишет следующее о ключевых различиях между концептом и фреймом: «Особое внимание следует обратить на то, что концепт является обусловленной культурой единицей хранения и обработки информации, он существует в рамках ценностей каждой конкретной культуры и поэтому может варьировать свое значение в контексте различных культур...фрейм же является минимальной единицей, используемой для характеристики любого объекта материального мира»[Жарина 2017, с. 45].

1.4. Концепт «страх» во французской лингвокультуре

Рассматривая проявления концепта «страх» во французской лингвокультуре, невозможно не отметить, что он имеет долгую и сложную историю, оказывая значительное влияние на различные аспекты французского общества. Восприятие страха в современном французском менталитете произрастает из двух философских школ — христианства и экзистенциализма. В своей работе «Основы европейского мировоззрения по данным языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских» доктор филологических наук М. К. Голованивская так размышляет о влиянии христианства на французский менталитет: «Христианство изменило так называемые прототипические ситуации, за которыми сознательно закреплялось возникновение той или иной эмоции — страх идёт не от опасности, не от смерти, а от ада. Став первой европейской идеологией, а не только философской доктриной, христианство справедливо апеллировало, в первую очередь, к базовым, а не надстроечным эмоциям» [Голованивская 2008, с. 389]. Экзистенциализм же, как одно из самых влиятельных философских течений XX века, оставил значительный след в общественном мышлении. Это направление философии, сосредоточенное на индивидуальном опыте, свободе

выбора и субъективности человеческого существования, предлагает уникальный взгляд на страх. Центральным элементом в экзистенциализме является экзистенция, понимание которой достигается через преодоление жизненных испытаний, связанные со смертельными событиями, например катастрофами или болезнями, неразрывно связанными с чувством страха. Представление о страхе, как о самостоятельном термине, было впервые предложено Сёренем Кьеркегором в работе «Страх и трепет». Датский учёный в своей книге исследует концепцию страха в контексте религиозной веры и моральных дилемм и размышляет о страхе как о философском понятии, связанном с выбором и ответственностью. Страх он разделяет на эмпирический страх-боязнь, вызываемый конкретным предметом или же обстоятельством, и метафизический, предметом которого является ничто и обусловленный осознанием человеком конечности своей жизни [Кьеркегор 2010, с. 231]. Похожие представления о страхе встречаются и у другой ключевой фигуры в экзистенциализме — Жана-Поля Сартра. По Сартру, благодаря которому современные французы используют *la nausée* и *l'angoisse* в процессе социального взаимодействия, экзистенциальный страх трактуется как страх перед самим собой – своей свободой и возможностями. Взгляды этих учёных определили представление французов об эмоциональной сущности человека.

В работе «Некоторые черты концепта страха во французском и русском языках» кандидат филологических наук Е. Н. Белая анализирует связь фреймов с концептом «страх» во французской лингвокультуре. Так, она пишет: «Концепт «страх» образует фрейм со следующими обязательными компонентами (предикат, субъект, причина) и факультативными компонентами (оценка, степень интенсивности эмоции, неконтролируемость эмоции, психосоматические изменения в субъекте, внешние симптомы переживания эмоции и поведение субъекта в состоянии страха)» [Белая 2012, с. 1]. Для полноценного понимания концепта «страх» в французской лингвокультуре, необходимо проанализировать обязательные его компоненты. Рассматривая

доминантный предикат концепта страх, можно условно поделить его на следующие группы: глаголы, прилагательные, существительные и фразеологизмы. Наиболее обширной группой являются глаголы. Словарь «Nouveau dictionnaire des synonymes» включает в синонимический ряд следующие глаголы с семантикой «страх»: *avoir peur*, *avoir horreur*, *s'éprouvanter*, *appréhender* и *craindre*, при этом, все они имеют разные значения. Так, согласно словарю «Petit Robert», глагол *avoir peur* в переводе обозначает «испытывать страх, часто по малодушию, не только перед лицом опасности, но и при мысли о ней» [Le petit Robert]. Глагол *avoir horreur* обозначает «испытывать страх перед чем-либо омерзительным, ужасным», *s'éprouvanter* обозначает «страх – удивление», а глагол *appréhender* обозначает «испытывать неясный страх, предчувствуя возможную опасность».

Глагол *craindre* имеет значение «испытывать страх перед кем-либо, чем-либо при мысли о возможной скорой опасности». Этимология этого глагола начинается свой путь от латинского «*tremere*», трансформировавшегося ввиду пересечения галльского корня «*crit*» и так называемого народолатинского «*cremere*» в свою нынешнюю форму. Также Белая отмечает, что «Для всех перечисленных глаголов сочетаемость с формами субъекта является обязательной. Субъект выступает в формах существительного и местоимения в разных лицах и числах, образующих с предикатом синтаксическую конфигурацию, «кто-то боится»: *La fille craint*; *Nous avons peur*. Все анализируемые предикаты допускают при себе позицию со значением причины: *Nous avons peur parce que (puisque, pour, à cause de)*» [Белая 2012, с.2]. Помимо этого, в французском языке у глаголов, являющихся содержательной частью концепта «страх», присутствует сема казуативности. Её представляют собой глаголы *éprouvanter*, *effaroucher* и *effrayer*.

Второй по частоте использования группой предикатной лексики являются прилагательные. Так, во французском языке существуют две семантические группы прилагательных. Первая группа — *froussard*, *peureux*, *timide* и *craintif* – прилагательные, указывающие на страх как свойство

предмета и соединяющиеся с глаголами связками «devenir» и «être». Например, в предложении «Elle est courageuse, mais terriblement timide» [Sartre 1996, p. 63] (пер. Она смелая, но ужасно пугливая), взятом из книги Жана-Поля Сартра «Ставок больше нет», лексема «timide» семантически указывает на пугливость как на состояние героини Евы. Во вторую же группу входят прилагательные, сочетающиеся с компонентами причины - Terrible, horrible, effrayant, affreux. Для примера возьмём предложение из романа «Посторонний» Альбера Камю: «Comment aborderez-vous cette terrible épreuve?» [Camus 1963, p.173] (пер. Как вы отнесетесь к этому ужасному испытанию?). В этом предложении лексема «terrible» относится к лексеме épreuve.

Погружаясь в анализ существительных, содержащих в себе семантику страха, необходимо выявить и разобрать синонимичный ряд с доминантой «peur»: frayeur (f), panique (f), horreur (f), terreur (f), effroi (m), crainte (f), épouvante (f) и angoisse (f). Анализ приведённых существительных будет произведён с опорой на вышеупомянутую работу М. К. Голованивской «Основы европейского мировоззрения по данным языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских». Слово Peur (f) этимологически произошло от латинского «pavorem», являющегося аккумулятивом «pavor». Изначально имевшее значение «страх, ужас» оно потеряло в своей интенсивности, перейдя к значению «боязнь». По Голованивской, «Слово peur стало общим словом, обозначающим эмоцию, которая сопровождает осознание опасности и варьируется по интенсивности в зависимости от контекста. Peur обычно слабее, чем «frayeur» или «effroi». Это слово зафиксировано в X веке и с тех пор не претерпело изменений» [Голованивская 2008, с.417]. Говоря про значение слова «peur» в современном французском языке, нужно подчеркнуть, что оно, выражающее страх в качестве базовой эмоции, обладает спецификой так называемой «окультуренности». Для отображения этой специфики Голованивская приводит цитату Жана-Поля Сартра из книги «Отсрочка»: «Tous les hommes ont peur. Tous. Celui qui n'a pas peur n'est pas normal; ça n'a rien à voir avec le

courage»[Sartre 1945, p. 28] (пер. Все мужчины напуганы. Все. Тот, кто не боится, ненормален; это не имеет ничего общего с мужеством). Существительное *frayeur* (f) произошло от латинского «*fragorem*», являющегося аккузативом «*fragor*», который обозначал громкий шум. Словарь «*Petit Robert*» даёт существительному следующую характеристику: «*Peur très vive, généralement passagère et peu justifiée*» (пер. Очень сильный страх, обычно мимолетный и необоснованный).

Существительное *Panique* (f), как отмечает Голованивская, «ровно, как и соответствующее заимствованное из французского языка русское слово «паника», характеризует не столько эмоцию (ужас, страх), сколько поведение, сопровождающее эту эмоцию, когда она доходит до крайне высокой степени интенсивности» [Голованивская 2008, с. 425]. В отличие от двух предыдущих слов из синонимичного ряда субстантивных номинаций с доминантой *peur*, это слово произошло из греческого языка, а точнее, из «*panikos*» по имени бога Пана. Важность этой связи обуславливается тем, что Пан в мифах был настолько уродлив, что его появление вызывало безумный страх у людей. В современном французском слово используется с глаголами «*vent*» (пер. Ветер) «*semer*» (пер. Сеять) и «*jeter*» (пер. Бросать) в семантике распространения панического страха.

Слово *Horreur* (f) начинает свой этимологический путь с латинского «*horror*», употреблявшегося в значении дрожи или трепета, имевших религиозный подтекст. Первое употребление этого слова во французском языке принято соотносить с выражением «*Faire horreur à*», в смысловую структуру которого входит компонент «отвращение». *Horreur* (f) в современном французском имеет двойной смысл: объективный и субъективный. Согласно Голованивской, «Субъективный смысл трактуется как ужасное впечатление, произведенное видом ужасной или недостойной вещи или мыслью о ней, или крайне негативное впечатление, которое производит вещь. Объективный смысл: свойство того, что может вызвать страх, отвращение; вещь, которая внушает или должна внушать чувство ужаса, отвращения (по-русски —

мерзость)» [Голованивская 2008, с. 424]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что *horreur* (f) выражает страх, зачастую рождающийся не от риска для жизни, а от отвращения, в этом лежит его специфика в современном французском языке.

Слово *terreur* (f), аналогичное такому же слову на латинском, в отличие от предыдущих существительных несёт в себе глубокую политическую семантику. Ввиду реалий режима, существовавшего во Франции с 1793 по 1794 год, несёт в себе значение ужаса, охватывающего политических деятелей, оппозиционных к правящей власти. Схоже по форме с русским словом «террор», также отсылающим к политическим репрессиям. Голованивская, затрагивая сочетаемость этого существительного, пишет: «На содержательном уровне обнаруживаются интересные особенности: мы предполагаем, что *terreur* (f) в качестве своего источника может иметь только человека или группу лиц (или одушевленных мифологических чудовищ), что непременно связано с намерением вызвать страх. Например, ни вулкан, ни зрелище не могут по-французски вызвать *terreur*. Особенный акцент на злонамеренности ставит наиболее частотный в употреблении с этим словом глагол *répandre* (как и *semer*), подчеркивающий намерение агенса вызывать в пациенте именно это чувство» [Голованивская 2008, с. 424].

Слово и понятие *effroi* (m) является отглагольным существительным от глагола «*effrayer*», обозначая «страх большой интенсивности и обычно переводящееся на русский язык как сильный, быстро проходящий страх» [Голованивская 2008, с. 419]. Значимой особенностью этого слова является аналогичная семантическая сочетаемость вышеупомянутому слову *reur* (f).

Существительное *crainte* (f) неразрывно связано с рассмотренным выше глаголом «*craindre*» ввиду их общего этимологического пути. «*Crainte*» несёт в себе значение небольшого страха, который говорящим воспринимается как маленькое живое существо: ребёнок или растение. Специфика семантической связи этого слова с растением обуславливает его использование с глаголами

«semer» (пер. Сеять) и «jeter» (пер. Бросать). Особенностью, отличающей *crainte* (f) от *peur* (f) являются возможность использования таких эпитетов как «*une crainte illusoire*» (пер. призрачный страх).

Существительное *éprouvante* (f), произошедшее от позднелатинского «*expraentare*», впервые было замечено в языке в середине XVI века. Первоначально обозначающее «сильный испуг, удивление», позже оно поменяло своё значение и в современном французском языке обозначает «внезапный, неожиданный сильный страх, вызванный чем-либо опасным, странным и угрожающим». Специфика этого слова при переводе заключается в его семантической близости с русским «ужас» ввиду не человеческой природы объекта, вызывающего эмоцию страха.

Говоря про существительное *angoisse* (f), невозможно не отметить о специфической так называемой «французскости» этого термина. Подобно английскому *spleen*, непонятному русскоязычному человеку, у французского *angoisse* (f) так же не существует эквивалента в русском языке. Словарь *Le petit Robert* приводит слову *angoisse* (f) следующее значение: «*Malaise psychique et physique, né du sentiment de l'imminence d'un danger, caractérisé par une crainte diffuse pouvant aller jusqu'à la panique*» [*Le petit Robert*] (пер. Психическое и физическое недомогание, возникающее из чувства неизбежности опасности, характеризующееся рассеянным страхом, доходящим до паники). Таким образом, исходя из этого понятия можно выявить у существительного два элемента значения: страх и тревогу. При этом, страх, семантически выражаемый этим словом, является страхом экзистенциального содержания.

Возникновение понятия *angoisse* (f) в качестве доминантного термина, отображающего исконно французское восприятие страха как сжатия эмоций, принято соотносить со специфическими для Европы методами пыток в средние века, связанными с умышленным помещением арестантов в тесные пространства или же насильным сжатием их частей тела с помощью пыточных орудий — пыточным методом, так называемого, испанского сапога.

В работе «Бытие и ничто» Жан-Поль Сартр, вновь внедривший в сознание французов это слово, так рассуждает о нём: «C'est dans l'angoisse que l'homme prend conscience de sa liberté...Sartre rappelle une distinction de Kierkegaard entre deux émotions que je peux ressentir : la peur (vis-à-vis des autres êtres du monde) et l'angoisse (vis-à-vis de moi-même)...Ainsi par exemple, j'ai peur du précipice, mais j'ai l'angoisse de m'y jeter de moi-même. Ou encore: le bombardement fait peur au soldat, mais l'angoisse naît en lui quand il essaie de prévoir son comportement en cas de bombardement» [Sartre 1976, p. 64-66] (пер. Именно в тревоге человек осознает свою свободу...Сартр напоминает о проведенном Кьеркегором различии между двумя эмоциями, которые я могу испытывать: страхом (по отношению к другим существам в мире) и тревогой (по отношению к себе)...Так, например, я боюсь пропасти, но испытываю страх броситься в нее от самого себя. Или еще: обстрел пугает солдата, но тревога зарождается в нем, когда он пытается спрогнозировать свое поведение в случае обстрела). Рассуждению Сартра о природе этой эмоции вторит и определение *angoisse* (f) в лингвострановедческом словаре «Франция» под редакцией Л. Г. Ведениной: «метафизическое беспокойство человека перед иррациональностью его удела, абсурдностью жизни» [Веденина 1997, с. 48].

Этимологически же, *angoisse* (f) произошло от латинского «*angustia*», которое обозначало «сжатое пространство, узость, теснота». Особенностью этого латинского слова является его множественное число, означающее «стеснение, скромность», что подчёркивает его связь с русским «стеснением», эта связь однозначно подчёркивает заимствованный характер русского слова. В старофранцузском языке происходит изменение семантики «*angoisse*», по Голованивской, «*Angoisse*, помимо смысла, зафиксированного в христианских текстах и близкого к сегодняшнему, обозначает - «узкий проход» (XII - XVI век) и «затруднительное положение, помеху, стеснение» (XI - XIII век), а также «страшный гнев» (XI век)»[Голованивская 2008, с.421]. Что касается употребления *angoisse* (f) в современном французском языке, слово

используется для обозначения боли, а также состояний с компонентами страха и тревоги.

Анализируя фразеологические единицы на французском языке, следует дифференцировать их по семантической принадлежности к культурным кодам, словам-символам и образам-эталонам. Говоря о культурном коде современных французов, влияющем на понимание ими концепта «страх», его можно поделить на соматический, мифологический и биоморфный.

Соматический культурный код фразеологизмов напрямую связан с частями тела человека и отражает специфику культуры, а также народных представлений и обычаев. Такие выражения часто используются для передачи определенных понятий, эмоций или ситуаций, которые связаны с определенными частями тела или физиологическими процессами. В качестве иллюстрации подобных фразеологизмов с семантикой страха во французском языке можно привести: «Avoir le coeur qui bat la chamade» (пер. Иметь бьющееся сердце), «Avoir des sueurs froides» (пер. Иметь холодный пот), «C'est à faire dresser les cheveux sur la tête» (пер. Так, что волосы на голове встали).

Мифологический культурный код в фразеологизмах представляет собой элементы и образы из мифологии, которые используются для передачи определенных значений, эмоций или ситуаций. Фразеологизмы, содержащие мифологические образы, отражают устойчивые ассоциации и символы, которые присущи определенным персонажам, сюжетам или мотивам из мифологии различных культур. В качестве примера таких фразеологизмов, содержащих в себе концепт страх, можно упомянуть: «Avoir la frousse» (Выражение *frousse* (f) имеет различные мифологические интерпретации и может быть связано с фантомами, призраками или другими страшными существами.), «Avoir les jetons» (пер. Испытывать страх или нервозность. Выражение связано с фантастическим персонажем *Djinn* (m), обычно представляемым как терроризирующее существо.), «Avoir une peur du diable» (*Diable* (m) здесь является антропоморфным существом из народных преданий,

которое часто вторгается в повседневную жизнь людей, сеет мелкие неприятности, искушает их на недобрые поступки.).

Биоморфный культурный код в фразеологизмах отражает использование образов и метафор, связанных с живыми организмами, чтобы передать определенные концепции, чувства или идеи. Этот вид культурного кода использует символы и ассоциации, которые связаны с животными, растениями или другими организмами для выражения сложных идей или эмоций. Для наглядности, этот культурный код содержат следующие фразеологизмы: «Avoir la chair de poule» (иметь куриную кожу, испытывать страх. Образ курицы использован, так как её перья встают дыбом при испуге), «Avoir peur comme un pou» (пер. Бояться, как вошь), «Avoir le poil qui se hérissé» (пер. Иметь шерсть, которая встает дыбом. Этот фразеологизм ассоциируется со страхом и испугом, когда волосы начинают вставать дыбом в ответ на угрозу или опасность).

Словами-символами принято называть лексемы, имеющие за собой определённую семантическую символику чего-либо. Например, в выражении «Avoir les foies blancs» (пер. Иметь белую печень) слово foie (f) (пер. Печень) рассматривалось как символ храбрости, аналогично английскому guts (пер. Кишки), а ее обесцвечивание интерпретировалось как признак страха.

Образ-эталон (или эталонный образ) в лингвистике — это абстрактный идеальный образ или модель, который олицетворяет собой характеристики или основные черты определенного понятия или категории. Образ-эталон может быть использован для обозначения наиболее типичных, распространенных или устойчивых представлений о конкретном явлении или объекте. Этот образ становится основой для формирования или интерпретации других конкретных представлений в сознании человека. Образ-эталон может быть связан с понятиями семантики, когда определенный лексический элемент или концепт ассоциируется с ключевыми визуальными, звуковыми или ассоциативными аспектами, которые представляют собой эталон для данного понятия. Так, в выражении «craindre comme la peste», аналогичным русскому «бояться, как

чумы», слово Peste (f) является образом, передающим страх чего-то столь же ужасного как чума, отсылая к эпидемии чумы в средние века.

Таким образом, во французском языке существует множество слов и фразеологических выражений, использующихся для обозначения страха и имеющих эмоциональную окраску, а также относящихся к конкретным ситуациям или объектам, вызывающим страх. Все эти лексические единицы отражают французскую лингвокультуру и специфические черты менталитета и общественного опыта французов.

Выводы по главе I

1. Автором выпускной квалификационной работы были рассмотрены ключевые исследования в области концептологии, лёгшие в основу современного изучения концептов в лингвистической науке: была рассмотрена сложная структура концепта, включая её многоступенчатое строение и концептуальные признаки, и перечислены различные составляющие и компоненты концепта; была выявлена и рассмотрена конструкция лингвокультурного концепта: были перечислены и рассмотрены различные виды типологизации концептов

2. Помимо обозначения термина «концепт» и его особенностей, было также рассмотрено семантически близкое к нему понятие «фрейм» и определены сходства и различия между ними, выявляемые в процессе лингвистического анализа. Так, было выяснено, что концепт является единицей хранения и обработки информации, варьирующейся в зависимости от восприятия в разных культурах, в то время как фрейм является минимальной единицей, характеризующей тот или иной объект.

3. В работе был рассмотрен концепт «страх» во французском языке и изучено происхождение во французской лингвокультуре отражающих его слов и фразеологических выражений. Автором были выявлены основные предикаты концепта «страх» и проанализированы с разбором их этимологии и

семантической связи с историей и культурой Франции, а также с менталитетом французов.

В следующей главе проведем анализ концепта «страх» на базе художественного произведения «Пришельцы ниоткуда» французского автора Ф.Корсака.

Глава II. Анализ концепта «страх» в романе Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда»

2.1. Репрезентация концепта «страх» в романе «Пришельцы ниоткуда» с помощью слов, словосочетаний и фразеологических единиц

В данной главе будут рассмотрены и изучены лексические единицы, являющиеся составляющей частью концепта «страх» на материале произведения Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда». Выявленные в процессе анализа лексические единицы, с опорой на определение структуры концепта по В. А. Масловой, будут определены к ядру и периферии концепта «страх». Наряду с этим, полученные в ходе работы с произведением лексемы будут категорированы по эмотивным фреймам, сочетающимся в романе с вышеупомянутым концептом.

В литературе концепт «страх» является одним из универсальных мотивов, способных глубоко воздействовать на читателя и придавать произведению исключительную интригу и эмоциональную насыщенность. Страх как эмоциональное состояние играет одну из основных ролей в формировании характеров персонажей, развитии сюжета и выражении тем и идей, которые автор хочет передать читателю. В литературе страх может проявляться в разных формах, таких как, например, страх перед неизвестным, перед потерей или перед внешними угрозами. В данной главе будут рассмотрены и проанализированы лексические единицы, являющиеся содержательной частью концепта «страх» на материале книги Франсиса Карсака «Пришельцы из ниоткуда».

Важной работой для выявления концептосферы страха в художественной литературе является статья И. А. Вотяковой «Концепт «страх» в русском языке». Согласно Вотяковой, «Страх является защитной реакцией организма, для того чтобы быстро и эффективно реагировать на какие-то опасные ситуации. Физиологическими проявлениями страха, широко описанными в специальной литературе, являются: увеличение клеточного метаболизма, повышение скорости движения крови, учащение сердцебиения, повышение

уровня адреналина, глюкозы, повышение артериального давления и активности мозга, расширение зрачков для лучшего светового восприятия, усиление кровотока в нижних конечностях, снижение периферической температуры, что вызывает бледность. Все это так или иначе находит свое отражение в языке при описании состояния страха и реакции человека» [Вотякова 2014, с. 180].

Роман «Пришельцы ниоткуда» является важным произведением литературы жанра научной фантастики, в котором, ввиду специфики темы повествования, концепт «страх» играет крайне важную роль. Роман повествует о противостоянии двух инопланетных рас: иссов – существ, создающих себя и вселенную, создающих альянсы и коалиции с бесчисленным количеством человечеств, и мисликов - «тех, кто гасит звёзды» [Карсак 2021, с. 43], существ из металла, излучающих радиоволны, уничтожающих галактики ради экспансии своего вида, чью природу невозможно понять, а также о роли в этой войне Землянина — француза российского происхождения Всеволода Клэра. Индивидуальная концептосфера романа Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда» позволяет вычленить из его изобразительного пространства эмоциональный концепт «страх» в качестве важнейшего эмоционального концепта произведения. Страх в произведении Франсиса Карсака — это эмоция, которая возникает у персонажей ввиду осознания экзистенциальной угрозы для своего существования ввиду разрушительной экспансии мисликов, поглощающих звёзды и уничтожающих галактики. Существ этих невозможно понять, с ними невозможно договориться, ввиду чего страх становится доминирующей эмоцией у свободных народов галактики. Страх этот отражается в том числе и в названии книги: «Ceux de nulle part» (пер. Те, кто из ниоткуда»), в котором отсутствует конкретное обозначение угрозы и места, из которого оно прибыло, что пробуждает у персонажей книги и читателя первобытный страх неизвестного.

Номинированный концепт в художественном произведении может выражаться при помощи лексем (одиночных и в составе словосочетаний) и

фразеологизмов из состава лексикофразеологической системы языка, свободных словосочетаний. В процессе анализа произведения на выявление средств выражения концепта «страх» были рассмотрены лексические и фразеологические единицы-репрезентанты концепта «страх» в вышеупомянутом романе.

С помощью метода сплошной выборки материала был проведён доскональный анализ этого произведения. В процессе анализа в совокупности было обнаружено 53 случая вербализации концепта «страх». Для удобства рассмотрения, все выявленные лексические единицы, с опорой на работу Е. Н. Белой, были поделены по частоте использования. Таким образом, было выявлено 21 существительное, 18 прилагательных, 9 глаголов и 5 фразеологических единиц. Полученные в ходе исследования статистические данные отображены на диаграмме. (приложение 1, диаграмма 1).

Обращаясь к обозначению В. А. Масловой структуры концепта с ярко-выделенными ядром и периферией, в которых ядром являются словарные значения лексемы, а периферией – «субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации» [12. С. 58], для анализа вербализации концепта «страх» необходимо обозначить его индивидуальную структуру. Таким образом, ядром концепта «страх» является его прямой номинант — лексема-репрезентант *Peur* (f), обозначающая «базовую эмоцию, которая сопровождает осознание опасности» [Голованивская 2009, с.89] – и лексические единицы, «выражающие страх и варьирующиеся по интенсивности в зависимости от контекста» [Голованивская 2009, с. 90]. Периферией же можно считать существительные, находящиеся в семантической и синонимичной связи с прямым номинантом «*peur*», лексемы, образованные от них, а также фразеологические единицы, отражающие в себе концепт «страх».

Рассмотрев ядро концепта «страх» на материале романа Франсиса Карсака «Пришельцы из ниоткуда», были выявлены его прямые репрезентанты — существительное «*Peur*» (f), встречающееся в тексте 6 раз, и глагол «*Avoir*

peur», образованный с помощью сочетания существительного «peur» и глагола «Avoir» (пер. Иметь), использующийся автором произведения в пяти (5) случаях.

Существительное peur (f) (пер. Страх) в романе вербализует базовую эмоцию страха, имеющую свою степень проявления, от сильно выраженного до слабо выраженного чувства страха:

- «Ainsi, contrairement à ce qu'enseignent certains philosophes, la tristesse et la **peur** sont les mêmes d'un bout à l'autre de l'univers, mais deux et deux ne font pas toujours quatre» [Carsac 1954, p. 61] (пер. Теперь, что бы ни говорили иные философы, я знаю: только страх и печаль одинаковы во всей Вселенной, и, наоборот, дважды два – далеко не всегда четыре)
- «L'intention, malgré la **peur** qui me secouait par rafales» [Carsac 1954, p. 18] (пер. Желание, несмотря на **страх**, который сотрясал меня порывами)
- «Je fis le tour de l'engin, m'empêtrant dans les bruyères, me piquant aux ajoncs, trébuchant, sacrant, flageolant encore sur mes jambes, soudain dévoré d'une curiosité qui balaya ma **peur**» [Carsac 1954, p.293] (пер. Внезапно пробудившееся жгучее любопытство заставило меня позабыть о страхе.)

Глагол «Avoir peur» (пер. Бояться/пугаться), в тексте отражает чувство страха как процесс, происходящий внутри человека, связанный с изменением эмоционального состояния:

- «Je t'avoue que **j'eus peur**» [Carsac 1954, p. 27] (пер. «Признаюсь тебе, **я испытала страх**»);
- Je ne la touche pas, le canon était vers la terre, mais **elle a peur**» [Carsac 1954, p. 161] (пер. «Я не трогаю ее, орудие направлено в землю, но **она боится**»);
- «De toute évidence elle **avait peur**» [Carsac 1954, p. 243] (пер. «Очевидно, **она была напугана**»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в произведении ядро концепта «страх» представлено крайне узко — всего 11 лексемами. Процентное соотношение лексических единиц, относящихся к ядру концепта

и его периферии, было проиллюстрировано на диаграмме. (Приложение 1, диаграмма 2)

Проиллюстрировав лексемы, принадлежащие к ядру концепта «страх» в романе Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда», следует обратиться к рассмотрению периферии этого концепта. Так, в периферии анализируемого концепта было выявлено 15 существительных синонимичных существительному *peur* (f), различающихся по степени выражаемого страха и особенностям его семантики ввиду индивидуального восприятия французами этой эмоции, 18 прилагательных, каждое из которых по-разному отображает эту эмоцию, 4 глагола, использующихся для передачи реакций персонажей в ответ на страх, и 5 фразеологических единиц, метафорически соотносящих эмоцию страха с соматикой человеческого организма.

Наиболее часто встречающейся группой лексем в периферии концепта «страх» являются существительные. В тексте они представлены следующим образом: *Angoisse* (f) - 5 раз, *effroi* (m) - 2 раза, *horreur* (f) - 2 раза, *l'anxiété* (f) - 2 раза, *frisson* (m) - 2 раза, *panique* (f) - 1 раз и *crainte* (f) - 1 раз.

Доминантной по частотности лексемой является существительное *angoisse* (f) (пер. Тревога/тоска). *Angoisse* (f) в тексте включает в себя абстрактные и эмоциональные слои, в то время как слово *peur* (f) склонно к более поверхностному, непосредственному описанию страха или боязни. Автор использует *angoisse* (f), когда речь идет об интенсивном, внутреннем состоянии тревоги, которое может иметь глубокие корни в психологическом и духовном измерениях:

- «Instantanément, je fus submergé par un flot **d'angoisse**, qui ne venait pas de moi, qui était l'angoisse du Mislik: une sensation effroyable d'isolement, de solitude, si puissante que je faillis en crier» [Carsac 1954, p. 81] (пер. «Мгновенно меня захлестнул поток **тревоги**, исходивший не от меня, а от тоски по Мислику: ужасающее чувство изоляции, одиночества, такое сильное, что я чуть не закричал от него»);

- «J’interrompis donc mes essais, et quelque chose de ma mélancolie dut lui parvenir, car il me renvoya un nouveau flot **d’angoisse**, toute haine éteinte, et un sentiment poignant d’impuissance» (пер. «Поэтому я прервал свои попытки, и что-то из моей меланхолии, должно быть, дошло до него, потому что он послал мне новый поток тоски, погасил всю ненависть и острое чувство беспомощности»).

Вторым по количеству употреблений в тексте существительных является *effroi* (m) (пер. Ужас/испуг.), на французском языке обозначающее не просто страх, но, скорее, ужас, испуг или трепет перед чем-то столь же ужасным. В тексте оно представлено в ситуациях встречи персонажей с чем-либо невообразимо ужасным:

- «L’idée de débarquer sur ce monde inconnu, pour affronter l’inimaginable, avec pour compagnons des êtres que je connaissais à peine, me glaçait **d’effroi** anticipé» [Carsac 1954, p. 211] (пер. «Мысль о том, чтобы высадиться в этом неизвестном мире, чтобы встретиться лицом к лицу с невообразимым, с существами, которых я едва знал в качестве спутников, наполняла меня ожидаемым ужасом»).
- «Je comprends parfaitement **l’effroi** que ressentit, le lendemain, le Bousquet» [Carsac 1954, p. 18] (пер. «Я прекрасно понимаю испуг, который испытал на следующий день Ле Буске»).

Лексема *horreur* (f) (пер. Ужас/кошмар) в французском языке описывает более сильное, чем *peur* (f), глубокое и чрезвычайно негативное чувство страха. В тексте это слово используется для обозначения ужасного или отвратительного состояния, когда страх смешивается с отвращением и ужасом:

- «Quand je pense à **l’horreur** de cette planète Siphon» [Carsac 1954, p. 197] (пер. «Когда я думаю об ужасе этой планеты Сифан»);
- «Autant Ella est un monde calme et serein, autant les planètes mortes que j’ai visitées sont des lieux **d’horreur**» [Carsac 1954, p. 137] (пер. «Насколько Элла-тихий и безмятежный мир, настолько же мертвые планеты, которые я посетил, - места **ужаса**»).

Лексема l'anxiété (f) (пер. Тревога/беспокойство/анксиозность) в французском языке выражает эмоциональное состояние, характеризующееся постоянным или частым чувством тревоги, напряженности или беспокойства. В отличие от обычной реакции на угрозу, в тексте так называемая анксиозность является чувством более длительным:

- - «Ils avaient dû passer une inconfortable nuit, sous la pluie et dans **l'anxiété** [Carsac 1954, p. 43] (пер. «Им пришлось провести неудобную ночь под дождем и в тревоге»);
- - «Je me demande avec **anxiété**, plaisanta-t-il, à quelle planète appartiendront vos enfants» [Carsac 1954, p. 301] (пер. «Я с тревогой спрашиваю себя, пошутил он, какой планете будут принадлежать ваши дети»).

Лексема Frisson (m) (пер. Дрожь/озноб) используется в французском языке для обозначения физиологической реакции, вызываемой сильными эмоциями, например страхом, восторгом или возбуждением. Это чувство в тексте является временным и сопровождается мимолетным ощущением дрожи по коже или мурашек, вызванных чем-то волнующим или тревожным:

- «Il y en avait d'étranges, parmi ces statues, et propres à donner le **frisson**» [Carsac 1954, p. 269] (пер. «Среди этих статуй были странные, вызывающие **трепет**»);
- «Souilik eut un petit **frisson** rétrospectif quand il comprit que, lors de son voyage sur Rissman, les Misliks étaient déjà à l'œuvre depuis deux ans sur les planètes Six et Sept» [Carsac 1954, p. 238] (пер. «Суилик испытал небольшой ретроспективный **трепет**, когда понял, что во время своего путешествия на Риссман Мислики уже два года работали на шестой и седьмой планетах»).

Наименьшими по частотности использования в романе лексическими единицами периферии концепта «страх» являются *panique* (f) и «*crainte* (f).

Семантической особенностью лексемы *panique* (f) (пер. Паника) является её связь с конкретным состоянием психики человека в ответ на сильный страх — состоянием паники. Так, *panique* (f) является крайне интенсивной формой выражения страха, характеризующейся чрезвычайным беспокойством, беспорядочностью мыслей и специфическим поведением, вызванным переполнением или потерей контроля над ситуацией. В состоянии паники человек может испытывать ужас и бессмысленный страх, который приводит к сильным физическим и эмоциональным проявлениям. В романе это существительное используется всего единожды, в контексте переживания героем Всеволода Клэра ситуации, связанной с крайне высоким риском для жизни:

- «Pris de **panique**, je tournai la pièce dans le mauvais sens» [Carsac 1954, p. 311] (пер. «Охваченный **паникой**, я повернул в комнату не в ту сторону»).

Лексема *crainte* (f) несёт в себе семантику связи страха с осознанием возможных рисков и опасностей, а также высокой степенью самосознания. Этот термин используется для описания более углубленного и аналитического понимания причин и последствий страха. Таким образом, *crainte* (f) представляет собой состояние беспокойства или опасений, возникающих из осознанного понимания ситуации, а не только из простого эмоционального отклика на угрозу. В тексте эта лексема так же, как и *panique* (f) используется единожды:

- «Il s'en rendit compte, et quelque chose comme une expression de **crainte** passa sur son visage mobile» [Carsac 1954, p. 177] (пер. «Он понял это, и на его подвижном лице промелькнуло что-то похожее на выражение

страха»). Второй по частотности употреблений в тексте периферийной группой лексем-репрезентантов концепта «страх» являются прилагательные, каждая из которых по-разному отображает эту эмоцию. Такими прилагательными в тексте оказались: «Effrayant» - 6 раз, «Terrible» - 4 раза, «Sinistre» - 3 раза, «Inquiétant» - 2 раза, «Angoissant» - 1 раз, «Anxieux» - 1 раз и «Affreux» - 1 раз.

Доминантное по количеству употребления прилагательное «Effrayant» (страшный/жуткий), происходящее от глагола «Effrayer» (пер. Пугать/испугать), во французском языке обычно передает высокую степень страха. В тексте оно подразумевает не просто легкий страх или беспокойство, а именно значительное чувство угрозы, опасности или ужаса перед объектом или ситуацией, которую оно описывает:

- « Il me semblait déceler en lui, sous la stricte carapace géométrique, un esprit impitoyable, une pure intelligence sans aucun sentiment, plus effrayante que toute férocité consciente» [Carsac 1954, p. 224] (пер. «Мне казалось, что под строгим геометрическим панцирем я обнаружил в нем безжалостный ум, чистый интеллект без каких-либо чувств, более пугающий, чем любая сознательная жестокость»);
- « Je revis les doigts de flamme, gigantesques bouffées de gaz portés à une effrayante température» [Carsac 1954, p. 2711] (пер. «Я снова увидел пальцы пламени, гигантские клубы газа, нагретые до пугающей температуры»).

Второе по доминантности употребления в тексте прилагательное «Terrible» (пер. Ужасный) во французском языке обычно отражает высокую степень страха, ужаса или тревоги. Чаще всего оно используется для описания того или иного объекта или явления, чрезвычайно пугающего, страшного или ужасного. Слово «Terrible» также используется для описания страшных событий или ужасных обстоятельств, отражая серьезность и ужасность

происходящего. В тексте использование этой лексемы отражено в следующих примерах:

- «Pour comprendre la réaction des Sinzus, imagine un puissant shogun qu'on fait venir pour combattre un **terrible** ennemi, et à qui l'on dit, quand il arrive: inutile, un chimpanzé l'a déjà fait» [Carsac 1954, p. 161] (пер. «Чтобы понять реакцию Синзусов, представь могущественного сегуна, которого мы приглашаем, чтобы сразиться с **ужасным** врагом, и которому мы говорим, когда он прибывает: бесполезно, шимпанзе уже сделал это»);
- «À peine les colons avaient-ils commencé à édifier quelques cités provisoires que de **terribles** et nouvelles épidémies les décimèrent» [Carsac 1954, p. 109] (пер. «Едва колонисты начали строить несколько временных поселений, как новые **ужасные** эпидемии уничтожили их»).

Лексема «Sinistre» (пер. Зловещий/жуткий) во французском языке обычно передает страх, тревогу и негативные с ними ассоциации. Это слово часто используется для описания ситуаций, мест или событий, которые ощущаются как зловещие, злополучные, угрожающие или темные. «Sinistre» может описывать что-то мрачное, несчастное, тяжелое или зловещее, вызывая чувство дискомфорта и беспокойства. В тексте это слово используется в контексте представления персонажа землянина Всеволода Клэра о чём-то инопланетном, как о зловещем и вызывающим тревогу:

- «Un reste de crépuscule **sinistre** traînait à l'ouest, le vent soufflait, et il allait pleuvoir» [Carsac 1954, p. 233] (пер. «На Западе висели **зловещие** остатки сумерек, дул ветер, и собирался дождь»);
- «Arzi est doré comme notre Lune, mais Ari a une **sinistre** couleur rougeâtre qui éveille toujours en moi l'idée d'un astre maléfique» [Carsac 1954, p. 231] (пер. «Арзи золотой, как наша Луна, но у Арзи **зловещий** красноватый цвет, который всегда пробуждает во мне представление о враждебной звезде»).

Лексема «Inquiétant» (пер. Тревожащий), используемая в французском языке для описания объекта или явления, вызывающего беспокойство, отражает собой чувство неопределенности или страха, но не обязательно ужаса или паники. «Inquiétant» может указывать на что-то тревожное, беспокоящее, вызывающее недоумение или подозрение. Это слово подчеркивает неопределенность и неизвестность, которые могут вызывать у человека чувство дискомфорта и некоторую степень страха. В тексте оно используется в следующих предложениях:

- «Pendant le repas, je fus assis en face d'elle. Plus, je la regardais, plus elle me semblait **inquiétante**» [Carsac 1954, p. 117] (пер. «Во время еды я сидел напротив нее. Чем больше я смотрел на нее, тем более **встревоженной** она казалась мне»)
- «Dans le réob, Assza fut plus explicite: non seulement Kalvénault semblait touché à mort, mais El-Toéa et Asselor montraient dans leurs spectres des signes **inquiétants**» [Carsac 1954, p. 214] (пер. «В «реобе» Ассза выразился более определенно: не только Кальвено казался смертельно раненым, но и Эль-Тоэа и Асселор проявляли в своих спектрах **тревожные** знаки»)

Следующие три лексемы («Angoissant», «Anxieux» и «Affreux») представлены в рассматриваемом художественном произведении редко — каждая по 1 разу.

Лексема «Angoissant» (пер. Мучительный), часто ассоциирующаяся с крайне негативными эмоциями, вызывающими чувство угрозы или неизбежного страха, образована от вышеупомянутого существительного «Angoisse» из той же периферийной группы концепта «страх». В языке оно выполняет функцию отражения невыносимой тревоги или же душевного

напряжения. «Angoissant» указывает на что-то, что является очень тревожным, пугающим или беспокоящим до такой степени, что человек может чувствовать сильный дискомфорт и страх. В тексте это слово ассоциируется с крайне негативными эмоциями, вызывающими чувство угрозы или неизбежного страха:

- «Siphon où j'avais passé un mois si **angoissant**» [Carsac 1954, p. 231] (пер. «Сифан, где я провел такой **мучительный** месяц»)

Прилагательное «Anxieux» (пер. Тревожный), образованное от существительного «Anxiété», во французском языке обычно передает степень тревоги, беспокойства и некоторую степень страха. Это слово используется для описания состояния человека, испытывающего беспокойство, нервозность или тревожные мысли. «Anxieux» указывает на то, что человек чувствует внутреннее напряжение, беспокойство или тревогу по поводу той или иной ситуации или события. Это слово может подчеркивать чувство волнения и нервозности, обычно не достигающее до уровня интенсивности страха, выражаемого прилагательным «Angoissant». В романе «Пришельцы ниоткуда» эта лексема реализуется в предложении:

- J'étais épuisé, nerveux, **anxieux**. [Carsac 1954, p. 278] (пер. «Я был измотанный, нервный, встревоженный»)

Единично представленная в тексте лексема «Affreux» (пер. Ужасный/омерзительный) во французском языке передаёт высокую степень ужаса, отвращения и неприязни. Это слово используется для описания того, что вызывает сильный страх, отвращение, ужас или отвратительные чувства. «Affreux» указывает на что-то, что является крайне пугающим, страшным или отвратительным до такой степени, что человек может испытывать глубокое отвращение или ужас:

- «Il en défila à peau verte, bleue, jaune, de grands, de petits, de splendides, de laids, **d'affreux** etc» [Crsac 1954, p. 277] (пер. «Продефилировали зеленокожие, голубокожие, желтокожие, большие, маленькие, великолепные, уродливые, **вызывающие отвращение** и так далее»).

Третьей по количеству употреблений в романе группой лексем из периферии концепта «страх» являются глаголы. Стоит отметить, что эта группа отражена в произведении крайне поверхностно, так как, за исключением ядерного «Avoir peur», реализуется с помощью глаголов «pâlir» - 2 употребления и «Trembler» - 1 употребление. Оба этих глагола отражают в тексте физиологические состояния персонажей в ситуациях столкновения с сильным источником страха и потенциальной угрозы для жизни.

Глагол «pâlir» (пер. Бледнеть/белеть) во французском языке отражает физиологическую реакцию в ответ на сильный эмоциональный раздражитель, связанный со страхом. «Pâlir» используется для описания изменения цвета лица человека под воздействием сильного страха, ужаса или испуга из-за увеличенного выделения адреналина, сокращения сосудов и изменения кровяного давления. В «Пришельцах из ниоткуда» бледность кожи как физиологическая реакция организма на стресс и опасность выражается в следующих предложениях:

- «J'ai dû **pâlir** de peur» (пер. «Должно быть, я **побледнел** от страха»);
- «Ulna devait ressentir des sentiments analogues, car je la vis **pâlir** et trembler» [Carsac 1954, p. 195] (пер. «Ульна, должно быть, испытывала аналогичные чувства, потому что я увидел, как она **побледнела** и задрожала»).

Глагол «Trembler» (пер. Дрожать) в французском языке отражает физиологическую реакцию на страх и используется для описания состояния, когда человек начинает дрожать из-за страха, тревоги, холода или волнения. Когда человек испытывает сильный страх или нервозность, его тело может

начать дрожать в результате реакции организма на стресс. В романе этот глагол иллюстрирует именно такую реакцию на сильный страх:

- «Ulna devait ressentir des sentiments analogues, car je la vis pâlir et **trembler**» [Carsac 1954, p. 195] (пер. «Ульна, должно быть, испытывала аналогичные чувства, потому что я увидел, как она побледнела и задрожала»).

Наименее представленной в анализируемом произведении группой лексем периферии концепта «страх» являются фразеологические единицы. Фразеологизмы, отражающие страх во французском языке, часто строятся на образах или метафорах, связанных с естественными реакциями организма на страх. Например, образы животных, которые проявляют страх в определенных ситуациях, могут использоваться для описания человеческого страха. Кроме того, могут использоваться образы, связанные с внутренними ощущениями и физиологическими проявлениями страха, такими как сердцебиение или дрожь. Эти образы и метафоры отражают в себе соматический культурный код, заложенный в сознании французов. В анализируемом романе «Пришельцы из ниоткуда» представлены 2 фразеологизма, содержащие в себе именно этот культурный код: «Le cœur battant» (4 употребления) и cœur battre à se rompre (1 употребление).

Семантика обоих фразеологизмов является схожей и содержит в себе метафорическое сравнение эмоциональных состояний человека с работой сердца, которое бьётся сильнее или же быстрее. Разница же между ними заключается в том, что «Le cœur battant» (пер. С бьющимся сердцем) описывает состояние, когда сердце бьётся быстрее или сильнее из-за сильных эмоций или напряжения, но не обязательно до критической точки. В тексте это выражение употребляется, чтобы подчеркнуть интенсивность чувств или эмоциональное состояние, но не обязательно указывает на риск или опасность:

- «**Le cœur battant**, je m’habillai rapidement, sautai par la fenêtre» [Carsac 1954, p. 48] (пер. «**С бьющимся сердцем**, я быстро оделся, выпрыгнул в окно»);

В то время как «Le cœur battre à se rompre» является более драматичным и включает в себя образ бьющегося сердца вплоть до той степени, что оно кажется готовым разорваться. Это выражение усиливает идею экстремальной интенсивности чувств или напряжения и может указывать на то, что человек переживает что-то настолько сильное, что это может привести к психологическому или эмоциональному разрыву. В качестве единственного примера из текста можно привести:

- «J’avais beau me dire que j’étais pratiquement invulnérable au rayonnement mislik, que la coque de notre ksill serait spécialement renforcée pour résister aux chocs, que je disposerais des armes les plus puissantes, et enfin qu’il ne s’agissait pas de combattre, mais de reconnaître les lieux, je sentais **mon cœur battre à se rompre** à la seule évocation de cette aventure» [Carsac 1954, p.196] (пер. «Напрасно я думал, что я практически неуязвим для излучения мислика, что корпус нашей ксиллы будет специально усилен, чтобы противостоять ударам, что у меня будет самое мощное оружие и, наконец, что речь идет не о сражении, а о разведке местности, я чувствовал, как **мое сердце учащенно бьется** при одном воспоминании об этом приключении»).

Таким образом, в процессе анализа вербализации концепта «страх» на материале романа Франсиса Карсака «Пришельцы из ниоткуда» было выявлено, что периферия вышеупомянутого концепта представлена за счет синонимического ряда гораздо шире ядра концепта.

2.2. Категоризация лексических единиц с концептом «страх» по эмотивным фреймам

Для изучения лексических средств, отображающих тот или иной вербализированный концепт на материале художественных произведений, следует представить анализируемый текст в качестве совокупности отдельных фреймов и фрагментов знаний об окружающем мире. Такие фрагменты являются частью целостной вербализованной системы знаний о реальности. Так, в своей работе «Когнитивное моделирование при интерпретации художественного текста» Городникова М. Д. предлагает пользоваться так называемой моделью ситуации, которая выступает как опора и цель когнитивной обработки текста. По ней, «модель ситуации есть вся информация для адекватного понимания: дискурс, знания языка, знания мира, знание установок, представлений, оценок автора, а также мнения, этические, эстетические и эмоциональные... Сам процесс интерпретации художественного текста характеризуется «сложным взаимодействием знаний реципиента с информацией, поступающей от разных языковых уровней базы текста до высших, зачастую имплицитных структур» [Городникова, с. 25].

В процессе проведённого семантического и контекстного анализа лексических единиц, являющихся составляющей частью концепта «страх», были выявлены некоторые схожие характеристики выражения этой эмоции в романе Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда». Опираясь на выявленные характеристики, представляется возможным условно поделить все полученные лексические единицы на следующие 3 фрейма: физиологические проявления страха, психологические проявления страха и оценочные характеристики, которыми персонажи обозначают те или иные объекты или явления. Процентное соотношение, при этом, представлено следующим образом: психологический фрейм — 35,8 %, оценочный фрейм — 34%, физиологический фрейм — 30,2 %. Полученная при распределении лексем по эмотивным фреймам информация была перенесена на диаграмму. (Приложение 2, диаграмма 1)

Доминантным фреймом по количеству употреблений в тексте лексических единиц (35,8 %) является психологический фрейм. В романе этот фрейм может быть проиллюстрирован следующими примерами:

- «Quelque chose de ma mélancolie dut lui parvenir, car il me renvoya un nouveau flot **d'angoisse**, toute haine éteinte, et un sentiment poignant d'impuissance» [Carsac 1954, с. 43] (пер. Должно быть, что-то из моей меланхолии дошло до него, потому что он направил на меня новый поток **тоски**, погасшей ненависти и острого чувства беспомощности.);
- «L'idée de débarquer sur ce monde inconnu, pour affronter l'inimaginable, avec pour compagnons des êtres que je connaissais à peine, me glaçait **d'effroi anticipé**» [Carsac 1954, с. 98] (пер. «Мысль о том, чтобы высадиться в этом неизвестном мире, чтобы встретиться лицом к лицу с невообразимым, с существами, которых я едва знал в качестве спутников, наполняла меня ожидаемым **ужасом** »);
- «Une sensation **effroyable** d'isolement, de solitude, si puissante que je faillis en crier» [Carsac 1954, с. 132] (пер. «**Ужасное** чувство изоляции, одиночества, такое сильное, что я чуть не закричал от этого»).

Наибольшая частотность данного эмотивного фрейма в использовании в сравнении с двумя другими обуславливается стилем повествования в романе от первого лица, ввиду чего, эмоции, переживаемые героем-рассказчиком Всеволодом Клэром считываются читателем как свои. Такой способ повествования позволяет читателю глубже погрузиться в художественный мир литературного произведения и лучше понять эмоции, с которыми сталкиваются персонажи в ситуациях сильного страха.

Вторым по количеству употреблений в тексте (34%) является оценочный фрейм. В романе он используется в ключе эмоциональных оценок персонажей тех или иных объектов или явлений, вызывающих у них чувство

страха, ужаса и шока. В качестве примеров использования этого фрейма можно рассмотреть:

- «Tu la connais comme moi: couverte d'ajoncs et de bruyères, au milieu des chênes et des châtaigniers, elle ne manque pas de pittoresque le jour, mais, à la nuit tombante, elle est **sinistre**» [Carsac 1954, p. 44] (пер. «Ты знаешь ее так же, как и я: покрытая дроком и вереском, среди дубов и каштанов, днем она не лишена живописности, но с наступлением ночи она кажется зловещей»);
- «Il en défila à peau verte, bleue, jaune, de grands, de petits, de splendides, de laids, d'affreux etc» [Carsac 1954, p. 81] (пер. «Продефилировали зеленокожие, голубокожие, желтокожие, большие, маленькие, великолепные, уродливые, вызывающие отвращение и так далее»);
- «La journée me parut **terrible** et longue et, dès le crépuscule, je préparai mon auto. J'attendis cependant la nuit close pour filer, prenant des chemins détournés» [Carsac 1954, p. 231] (пер. «День показался мне ужасным и долгим, и с наступлением сумерек я приготовил машину. Однако я дождался поздней ночи, чтобы уйти окольными путями»);

Схожий по проценту употребления с физиологическим, оценочный фрейм используется автором для максимально детальной передачи читателю образов и описаний состояний, явлений и событий, происходящих с героями романа.

Наименьшим же по частотности использования в тексте (30,2 %) является физиологический фрейм. Специфика физиологического фрейма заключается в отображении различных состояний организма в ответ на стрессовые факторы, в конкретном случае — в ответ на сильный страх.

Выражаться этот фрейм может через описание этих реакций. Данный фрейм иллюстрируют следующие примеры:

- «Il s'en rendit compte, et quelque chose comme une expression de **crainte** passa sur son visage mobile» [Carsac 1954, p. 191] (пер. «Он отдал себе в этом отчет, и на его подвижном лице промелькнуло что-то похожее на выражение страха»);
- «Ulna devait ressentir des sentiments analogues, car je la vis **pâlir** et **trembler**» [Carsac 1954, p. 143] (пер. «Ульна, должно быть, испытывала аналогичные чувства, потому что я увидел, как она побледнела и задрожала»);
- «Les Sinzus durent le comprendre ainsi, car ils **pâlirent** et sortirent» [Carsac 1954, p. 201] (пер. «Должно быть, Синзусы так и поняли это, потому что побледнели и вышли»).

Помимо вышеперечисленных лексем-репрезентантов физиологического фрейма концепта «страх», на протяжении всего романа «Пришельцы ниоткуда» 4 раза встречается повторяющийся устойчивое выражение «Le cœur battant» (пер. с бьющимся сердцем»), которое так же можно отнести к физиологическому фрейму:

- «Le cœur battant, nous guettâmes: rien ne venait» [Carsac 1954, p. 245] (пер. **С бьющимся сердцем** мы ждали: ничего не происходило»);
- «Le cœur battant, je m'habillai rapidement, sautai par la fenêtre» [Carsac 1954, p. 48] (пер. «**С бьющимся сердцем**, я быстро оделся, выпрыгнул в окно»);

- «Le faisceau lumineux accrocha des reflets sur une énorme carapace métallique, lenticulaire, dont je m’approchai **le cœur battant**» [Carsac 1954, p. 71] (пер. «Луч света отразился от огромного металлического линзовидного панциря, к которому я подошел **с бьющимся сердцем**»);
- «Ulna était déjà dans le ksill. Je me courbai, et y pénétraï à mon tour, **le cœur battant**» [Carsac 1954, p. 293] (пер. «Ульна уже была в ксилле. Я изогнулся и, в свою очередь, вошел в него **с бьющимся сердцем**»).

Таким образом, было определено, что все выявленные случаи вербализации и отчетливо подразделяются на три фрейма – физиологический, психологический и оценочный.

Выводы по главе 2

Автором выпускной квалификационной работы были выявлены и проанализированы лексические единицы, отражающие концепт «страх» в романе Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда». В процессе проводимого автором контекстуального и семантического анализа, было выявлено 53 лексических единицы-репрезентанта вышеупомянутого концепта, из которых 21 - существительные, 18 - прилагательные, 9 - глаголы и 5 - фразеологические единицы. Полученные данные были репрезентативно расположены на круговой диаграмме.

Все выявленные в ходе анализа лексемы были, с опорой на определение структуры концепта, разделены на ядро и периферию концепта «страх». В результате этого было установлено, что все языковые средства, использованные авторами для вербализации данного концепта, входят в ядерную и периферийную зону концепта «страх», в которой ядро представлено 11 лексемами, а периферия 42 лексемами. Полученные данные,

категорированные по процентному соотношению лексем в ядре и периферии, были репрезентативно расположены на круговой диаграмме

В продолжении работы с лексемами-репрезентантами вербализованного концепта «страх», автором, опираясь на полученную в ходе работы информацию, была произведена категоризация всех выявленных лексических единиц по трём фреймам: физиологическому, психологическому и оценочному. Данные, полученные в ходе работы с вышеупомянутыми фреймами, были репрезентативно представлены на круговой диаграмме.

Заключение

В заключении проведенного исследования можно обозначить следующие выводы, сделанные по результатам поставленных во введении задач.

Для раскрытия сущности понятия концепт в лингвистике, автором выпускной квалификационной работы были проанализированы значимые научные работы в сфере изучения и определения этого термина. В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что концепт в лингвистике является собой обобщенное представление о каком-либо объекте, явлении или категории, которое хранится в памяти человека и выражается через язык. Так, концепт можно полноценно называть смысловым содержанием слова. Исходя из этого, следует, что концепт включает в себя всю коммуникативно-значимую информацию.

В процессе изучения структуры и типологии концепта, были рассмотрены многочисленные классификации концептов по его видам и составляющим частям, а также перечислены различные типологизации концепта и взгляды на эту комплексную и обширную в изучении тему этих учёных лингвистов. В результате изучения теоретического материала на эту тему можно сделать вывод о многочисленных типологиях концепта, в связи с чем представляется невозможным дать единую классификацию.

Помимо этого, автором было определено, что ввиду динамической роли концепта в процессе мышления, а также содержания внутри него всей коммуникативно-значимой информации о том или ином явлении или субъекте, структура концепта представляет из себя сложную и многослойную систему.

Для наглядной визуализации многогранности этой системы, автор, с опорой на мнение лингвистов, занимающихся проблемой концепта, предлагает делить эту структуру на ядро и периферию, где ядро — это словарные значения той или иной лексемы, а периферия — субъективный опыт, различные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации.

Следующей задачей исследования стало рассмотрение фрейма в когнитивной лингвистике и определение его сходств и различий с концептом. Таким образом, было определено, что фрейм в когнитивной лингвистике является структурой данных, которая представляет собой сеть связанных атрибутов и значений, описывающих определенную концепцию или ситуацию, в то время как концепт является единицей хранения и обработки информации, варьирующейся в зависимости от восприятия в разных культурах.

Еще одной задачей выпускной квалификационной работы стал анализ отражения национально-культурной специфики концепта «страх» в французском языке. Для этого, автором была дана характеристика двух основных философских школ, повлиявших на менталитет французов и их восприятие страха — христианства и экзистенциализма. В процессе изучения связи между концептом «страх» и лингвокультурными особенностями его отображения в французском языке, были выявлены обязательные и факультативные компоненты этого концепта, с которыми он образует фрейм. В качестве обязательных компонентов выступают предикат, субъект и причина, в то время как факультативными компонентами являются оценка, степень интенсивности эмоции, неконтролируемость эмоции, психосоматические изменения в субъекте, внешние симптомы переживания эмоции, а также

поведение субъекта в состоянии страха. Доминантный предикат концепта «страх» был условно поделен на следующие группы: глаголы, прилагательные, существительные и фразеологизмы, после чего были определены и семантически проанализированы синонимические ряды этих групп.

Помимо этого, были рассмотрены фразеологические единицы, содержащие в себе концепт «страх», после чего они были дифференцированы по семантической принадлежности к культурным кодам, словам-символам и образам-эталонам. Каждый из типов был проиллюстрирован несколькими фразеологизмами.

Следующей задачей автора выпускной квалификационной работы стало выявление в романе «Пришельцы из ниоткуда» лексических единиц, отражающих в произведении концепт «страх». Автором, в процессе сплошной выборки материала из романа на предмет лексем-репрезентантов концепта «страх», было выявлено: 21 существительное, 18 прилагательных, 9 глаголов и 5 фразеологических единиц. Все полученные в ходе исследования данные были отображены на диаграмме (приложение 1, диаграмма 1). Опираясь на структуру концепта, описанную в теоретической части исследования, все полученные лексемы были определены к ядру и периферии концепта «страх». Так, в процессе рассмотрения ядра этого концепта, были выявлены его прямые репрезентанты — существительное «Peur» и глагол «Avoir peur», встречающиеся в тексте 11 раз. При рассмотрении же периферии концепта, было выявлено 42 лексемы, поделенные по семантическим группам на: существительные — 15 упоминаний, прилагательные — 18 упоминаний, фразеологизмы — 5 упоминаний и глаголы — 4 упоминания. Все полученные

лексические единицы, определённые к ядру и периферии, были проиллюстрированы в исследовании примерами употребления в тексте, а также семантически проанализированы. Полученные данные, категоризованные по процентному соотношению лексем в ядре и периферии, были отражены на диаграмме (приложение 1, диаграмма 2)

В заключительной части выпускной квалификационной работы, автором, с опорой на выявленные в процессе исследования семантические особенности ядра и периферии концепта «страх», все лексические единицы были условно поделены на следующие 3 фрейма: физиологические проявления страха, психологические проявления страха и оценочные характеристики, которыми персонажи обозначают те или иные объекты или явления. Процентное соотношение этой категоризации представлено следующим образом: психологический фрейм — 35,8 %, оценочный фрейм — 34%, физиологический фрейм — 30,2 %. Полученная при распределении лексем по эмотивным фреймам информация была перенесена на диаграмму. (Приложение 2, диаграмма 1).

Таким образом, все поставленные задачи в выпускной квалификационной работе были решены. Цель работы выполнена.

Список литературы

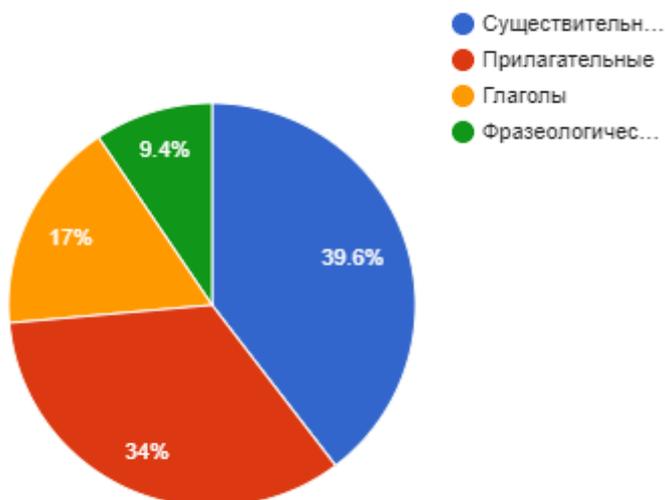
1. Аскольдов С. А. «Концепт и слово» //Русская речь. вып II, Ленинград, 1928. – С. 268–269; С. 85
2. Белая Е. Н. Некоторые черты концепта страха во французском и русском языках // Концепт. – 2012. – № 12 (декабрь). – С. 1–2
3. Беляевская Е. Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора - синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. №22 — С.
4. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград, 2007 — С. 122
5. Вотякова И. А. Концепт «Страх» в русском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. №4. – С. 180
6. Веденина Л. Г. Франция. Лингвострановедческий словарь. 7000 единиц. Под ред. Л.Г. Ведениной. - М.: "Интердиалект+"/"АМТ"; 1997. - С. 48
7. Голованивская М. К. Основы европейского мировоззрения по данным языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. Москва, 2008 — С.
8. Голованивская М. К. Чего и как боятся французы и русские // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №3. - С. 89–90
9. Городникова М. Д. Когнитивное моделирование при интерпретации художественного текста // Когнитивные аспекты лексики: сборник научных трудов / Тверской государственный университет. Тверь, 1991.
10. Демьянков В. З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С.187

- 11.Жарина Ольга Александровна «Концепт» vs «фрейм»: проблема дефиниции и соотношения понятий в современной когнитивной лингвистике // БГЖ. 2017. №3 — С. 45
- 12.Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания / В.Г. Зусман // Вопросы литературы. - 2003 - №2. - С. 3-29.
- 13.Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс // Волгоград: Перемена, 2003. – С. 38
- 14.Кьеркегор С. Страх и трепет/ Пер. с дат. -Изд.2-е, дополненное и исправленное. -М.: Культурная революция, 2010. С.109.
- 15.Карсак Ф. Пришельцы ниоткуда: романы, рассказы / Франсис Корсак ; пер. с фр. М. Безгодова, А. Григорьева, Ф. Мендельсона , Л. Самуйлова. – Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. - С. 43
- 16.Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике: Монография. – Воронеж 2001. – С. 61
- 17.Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. - С. 156
- 18.Мартиросян Е. Г., Самарская Т. Б. - Концепт и концептосфера в литературном произведении: соотношение понятий // Вестник — С. 2
- 19.. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – С. 7
- 20.Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 58
21. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. - М., 2001. - С. 69
- 22.Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007 — С.20

- 23.Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. - Волгоград, 2004. - С. 9–10
- 24.Carsac F. – Ceux de nulle part // Librairie Hachette. Paris № 2119. Dépôt légal : Premier trim. 1954
- 25.Camus, A. L'etranger. - N.Y.: Pantheon Books, 1963. - 171 p.
- 26.«Dictionnaire de l'Académie Française» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9C3358> (дата обращения: 07/05/2024).
- 27.«Dictionnaire Le petit Robert» [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/angoisse> (дата обращения: 03/05/2024).
- 28.Sartre J. P. - Le sursis // NRF Gallimard, 1945 — 28 p.
- 29.Sartre J. P. L'être et le néant // Gallimard. Paris. 1976 - 64-66 p.
- 30.Sartre J. P. Les Jeux Sont Faits // Galimard. Paris. 1996 – 63 p.

Приложение 1

1.1. Диаграмма процентного соотношения лексических единиц вербализированного концепта «страх» в романе Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда».

1.2. Диаграмма процентного соотношения лексических единиц, принадлежащих к ядру и периферии концепта «страх» в романе Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда».

1. Диаграмма процентного соотношения фреймов вербализованного концепта «страх» в романе Франсиса Карсака «Пришельцы ниоткуда»

